

ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

УДК 930.2+908+902

ПОРТЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XV-XVIII вв.

Андрей Красножон

Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского
Украина, 65020, г. Одесса, ул. Старопортофранковская, 26
e-mail: ahmar.and@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2215-8429>

Морські факторії у Північно-Західному Причорномор'ї XV-XVIII ст. (до 1794 р.) існували лише у двох місцях: у Качубійові (сучасна Одеська затока) та поблизу Білгорода у Царгородського гирла Дністровського лиману. Морська пристань Білгорода існувала лише у першій чверті XV ст. Швидше за все, вона була пов'язана з морською рейдовою стоянкою кораблів. В османський період про неї згадок немає. І.В. Сапожников називає цю середньовічну пристань «середньовічним морським портом Четате-Альбе» та пов'язує з османською фортецею Богаз-конман, а також з турецьким редутом 1760-х рр., що була споруджена у цього гирла. Критика цієї версії заснована на тому, що фортеці Богаз-конман Челебі не згадував. Такої назви немає у його творі. Причина – суттєві помилки радянського видання його «Книги подорожей». Останнє повноцінне наукове видання Сейхат-наме турецькою мовою дозволяє бачити, що турецький Аккерман мав ще одну назву, грецьку – Піргаз Конман.

Ключові слова: Аккерман, Кілія, Очаків, Піргаз Конман, Богаз-конман, Евлія Челебі, Білгород на Дністрі

Морские фактории в Северо-Западном Причерноморье XV-XVIII вв. (до 1794 г.) существовали лишь в двух местах: в Качубейове (современный Одесский залив) и вблизи Белгорода, у Цареградского гирла Днестровского лимана. Обе в источниках появляются лишь раз. Первая – польско-литовский «королевский порт» на черноморском побережье, упомянут Длугошем под датой 1415 г. [19, с. 367-368]. Вторая – в 1419 г., отмечена иеромонахом Зосимой, как морская пристань Белгорода [17, с. 12].

Порт Качубейова с 1440-х до 1760-х гг., по всей вероятности, не функционировал. Он возрождается в 1764 г. по специальному указу султана [16, с. 244-245]. Это единственная морская гавань в Северо-Западном Причерноморье XVIII в. Османами здесь построена стационарная пристань с примыкающей к ней инфраструктурой (административные строения, таможня, пакгаузы, колодцы и т.п.).

Остальные региональные порты были речными. Крупнейшими из них в XV-XVIII вв. (до начала работ в российском Хаджибее) оставались Килия и Белгород.

Корабельная стоянка в Килие располагалась в затоне на расстоянии 500 м от крепости

выше по течению Дуная. Она видна на панораме города 1790 г. Пристань находилась при входе в затон, при ней, на берегу – таможня [23, р. 105], прохождение которой в 1768 г. ярко описано Клееманом [6, с. 39-40]. Порт Измаила располагался по такому же принципу – в широком, полноводном затоне, примыкающем к городу выше по течению. Нет сомнений, что данные особенности местности и послужили причиной для выбора места основания этих городов.

Очаків також не міг похвалитися власним портом, хоч і розплагался у моря. Он отмечен в 1740 г., как город без пристани. Впрочем, «корабли все же останавливаются там» (якорная стоянка) [1, с. 146]. В 1765 г. Пейсонель критично оценивал пребывание судов в бухте Днепро-Бугского лимана возле Очакова из-за разных глубин. Деволан также видел опасность в непостоянстве глубин лимана из-за речных наносов [2, с. 147-148]. Особенно зимой это делало навигацию тут довольно непростой. В Очакове середины XVIII в. «во-первых нет портовых складских помещений, во-вторых, суда могут подвергаться давлению льда, который идет с Днепра с декабря до апреля [...]». Те суда, которые вынуждены

проводить зиму в этой области, складировать товар, исходя из климатических условий, в порту Коджабей на территории ногайцев «Едиган, на расстоянии 12 миль к юго-западу от Очакова» [3, с. 135].

Мальми глубинами (в пределах 2-3 м) и зимним ледоставом отличался и Днестровский лиман [2, с. 78]. В 1740 г. анонимный автор полагает, что по причине низкой воды у пристани Аккермана суда должны были становиться на якорь за 3 мили до крепости [1, с. 145]. Расстояние явно завышено. Якорная стоянка располагалась максимум в 500 м от берега, что видно по плану Ф. Кауффера 27 июня 1793 г. [7, с. 46-47]. Этот рейд напротив Греческой церкви (береговой ориентир) упоминает и Джедушицкий в 1785 г.: корабли снимаются с якоря, едва начинается шторм, и укрываются у Очаковской пристани (одна из трех в Аккермане), под защитой берегов [20, р. 242].

Базовый порт Белгорода (Аккермана) находился в черте города. Одним из первых о нем упоминает Ланнуа в 1421 г. [4, с. 439]. В 1445 г. рыцарь Ваврин при заходе на двух галерах в Белгород здесь «нашел много кораблей из Трапезунда» [24, с. 83-84]. В 1450 г. на королевском Совете в Кракове, Казимиром IV сказано, что Белгород (наряду с Килией) по значению «исключительные порты для кораблей всего Востока» [5, с. 118-120]. Корабли белгородских купцов получали особые привилегии от султана на ведение торговли в крупнейших турецких портах: Константинополе и Брусе, а также в Адрианополе [5, с. 175].

Эвлиа Челеби в 1657 г., говоря о портовых причалах Аккермана, сообщает, что «летом и зимой возле них много кораблей из разных стран» [22, р. 165]. Лафитт-Клаве в 1784 г. описал крайне неудобную систему функционирования этого порта и что-то вроде паромной переправы между Аккерманом и Аджидере, которая осуществлялась на плотках. «Все барки или суда, идущие из Днестра и даже плоты, приезжающие с лесом, а равно и с другими жизненными припасами, выгружаются при Аккермане и нагружаются оными потом маленькие судна томбасы, в сей стране находящиеся, и таким образом перевозятся в Черное море» [12, с. 82-83].

В 1793 г. Ф. Кауффер в самом Аккермане отмечает три пристани, главная из которых – «Стамбульская» снабжена таможней [7, с. 45-46]. В «Отчете...», составленном в 1791 г., обустроенную гавань у крепости Аккермана описывает Ф.П. Деволан, недоумевая, как при та-

ких малых глубинах в прежние времена здесь могла развиваться столь активная морская торговля [2, с. 78].

Пожалуй, единственное за весь период с XV – по XVIII вв. упоминание о наличии верфи также принадлежит Аккерману (если исключить сообщение о неудачной попытке Потемкина строить корабли в Бендерах в 1789 г. [2, с. 175]). В 1780-х гг. «ежегодно в порту Аккермана строится восемь небольших кораблей, которые могут взять на борт 4-5000 киле до Стамбула» [20, р. 242].

Главная Стамбульская пристань на деревянных сваях функционировала в Аккермане как минимум до начала 1870-х гг. Ее расположение указано на плане Ф. Кауффера 27 июня 1793 г., а внешний облик отражен на серии изображений XIX в., начиная с акварели К. Боссоли 1838 г., рисунка М. Вебеля 1848 г., и заканчивая фото К. Мигурского «Пристань ОРПит в Аккермане» 1869 г. [7, с. 43, 86, 90].

К западу от нее (для защиты от главных ветров и ледохода) в середине XIX в. возведен капитальный каменный Г-образный в плане брекватер РОПит, формируя искусственную гавань вокруг старого пирса. Этим объясняется конструктивное решение ступенчатой кладки каменных блоков с уклоном внешней стенки сооружения в сторону волнового прибоя и ледохода¹.

Что касается морского порта Белгорода (Аккермана), факт его постоянного существования остается под сомнением. Точно не определено место расположения его пристани с фонарем (маячной башней), упомянутыми Зосимой в 1419 г.² Указанное иеромонахом расстояние между городом и пристанью (9 верст, т.е., примерно 16-17 км) соотносится с северо-западным мысом, сформированного коренным берегом Будакского и Днестровского лиманов у нынешнего с. Прибрежное. В 1990-х гг. экспедицией Е. Малюкевича здесь был обнаружен фундамент, предположительно, маячной башни, датированной автором раскопок античным временем [11, с. 117-119].

Устройство пристани непосредственно на морском, песчаном берегу предполагало бы лишь перманентное, сезонное ее существование (из-за разрушительного воздействия зимних штормов). Более вероятно ее расположе-

¹ В свое время, размещая средневековую гавань Белгорода в этой части акватории (до ознакомления с планом Кауффера), я ошибочно относил пристань РОПит к конструкции средневекового периода [8, с. 221-224].

² «В устье Днестра находится столп, который зовется Фонарь, тут находится пристань корабельная. Наняли себе корабли и пошли по морю» [17, с. 12].

ние в период навигации непосредственно в Цареградском гирле Днестровского лимана, месте глубоком и защищенном от морского прибоа. Оно пригодно для разгрузки-погрузки судов в спокойную погоду, но не для долговременной стоянки.

Как бы там ни было, морская пристань Белгорода после Зосимы больше не упоминается в источниках. Нет ее и в описании Цареградского гирла и юго-западной акватории лимана 1784 г. у Лафитта-Клаве [21, р. 63]. В 1794 г. при обследовании гирла Ф. Кауффер также не видит никаких действующих или разрушенных гидротехнических сооружений на морском берегу [10, с. 326].

Эта пристань существовала лишь в первой четверти XV в. Скорее всего, она была связана с морской рейдовой стоянкой кораблей с большой осадкой, не заходивших в мелководный лиман по каким-то причинам. Вряд ли она годилась для осуществления портовых разгрузочных работ. Если пристань и существовала на протяжении последующего времени, то эпизодически. В османский период о ней упоминаний нет.

Версию непрерывного существования морского порта Белгорода (Аккермана) и даже крепости при нем (с 1419 г. до 1780-х гг.) отстаивает И.В. Сапожников. Он пришел к выводу, что ему «удалось локализовать средневековый морской порт» [15, с. 298-303].

Согласно И.В. Сапожникову, после Зосимы существование пристани и крепости при ней на правом берегу Цареградского гирла, подтверждает Челеби в 1657 г. Речь идет о некоей крепости Богаз-конман, отмеченной в пассаже о штурме Баязидом II в 1484 г. крепости Белгород¹ [15, с. 298].

Для убедительности исследователь приводит цитаты из «Книги путешествий»: «[...] войско ислама билось за крепость Аккерман. А когда поутру загрохотало также множество пушек, то стены с одной стороны рухнули. И тогда из крепости вышли двенадцать попов и в драгоценном ларце передали десять ключей от крепости и ключ от крепости Богаз-конман».

Затем добавляет, не замечая противоречия: «чуть выше Эвлия написал об Аккерманской крепости: “Первооснователем ее является Салсал [великан, герой турецких мифов]. В его время название этой крепости было Богаз-конман”» [15, с. 298].

Выходит, Баязид осаждал две крепости: Аккерман и Богаз-конман (удаленные друг от друга на 16 км)? Странности этого текста прежде ограждали историков от внесения этого объекта в историографию.

И.В. Сапожников взялся восполнить этот пробел, упрекнув коллег: «Факт существования крепости-спутника Четате-Альбэ – Аккермана исследователи заметили давно, но “профессионалы” его игнорируют» [15, с. 299].

Он проводит «анализ текста Эвлии», из которого «вытекает, что название, ставшее позже Богаз-конманом, было переведено на турецкий язык не ранее 1484 г., а в 1650-х годах оно использовалось, и было понятно современникам, так как Эвлия его не пояснял». Значение названия крепости ученый поясняет сам, по результатам «консультаций с участниками группы “Studia Turcologica” на FB» [15, с. 299]. Коллективный разум соцсети перевел «Богаз-конман», как «пролив – место ночевки». Это дало И.В. Сапожникову возможность сделать главный вывод статьи: Богаз-конман это «пролив – место для ночевки», и в середине XVII в. укрепление «могло находиться на правом берегу более глубокого Цареградского гирла Днестра» [15, с. 299].

«Богаз-конман» стал «первым названием Аккермана», которое, следуя логике рассуждений И.В. Сапожникова, родилось из молдавского и итальянского языков. Так могли порт называть генуэзцы или молдаване еще до того времени, как «Штефан Великий построил крепость Четатя-Альбэ» [15, с. 299]. В Молдавии XV в. пользовались старославянским. И господарь Стефан III в возведении крепости Белгород на Днестре участия не принимал [9, с. 201-204].

Затем автор статьи пытается увязать сообщение Зосима о пристани, а также пассаж Эвлии Челеби о крепости с турецким редутом 1760-х гг. на берегу Цареградского гирла [21, р. 63, fig.]. «Средневековый морской порт Четате-Альбэ» и «османская крепость Богаз-конман, спутник Аккермана, существовали до конца XVIII в.» [15, с. 302-303].

Несостоятельность этой версии в том, что крепости Богаз-конман не знал сам Челеби. Такого названия нет в его произведении. Это следует из текста последнего полноценного, научного издания Сейхат-наме, вышедшего на турецком языке [22]. Фундаментальный труд появился еще в 2010 г. и с тех пор доступен специалистам. Но И.В. Сапожников по традиции воспользовался старой, советской версией с многочисленными ошибками и сокращениями

¹ Который И.В. Сапожников, почему-то, постоянно называет «Четате-Альбэ». В молдавских источниках XV в. фигурирует только старославянский топоним «Белгород».

ями. Ее исходный вариант вышел в Стамбуле в 1897 г., и вторично переведен с дореформенного турецкого языка на русский для публикации в СССР в 1961 г. Причем, с оговоркой во введении: «ненаучное издание» [18, с. 12, 325].

В современном варианте процитированные выше отрывки из Челеби существенно отличаются¹. Глава об Аккермане начинается с недвусмысленного указания на то, что его «первооснователем является Салсал Конман. В его времена крепость называлась Пиргаз Конман. Пиргаз, по-гречески означает “крепость”. Конман Салсал – прозвище короля». Прежде эта крепость находилась в руках Молдавии («Salsal-ı Boğdan taht merkezi») [22, р. 157].

Πύργος – по-гречески «башня», «укрепление». Для большей ясности Челеби дает лингвистические сравнения: «В то время этот замок был таким белым и ярким, что был похож на свет. Вот почему татарское племя крепость Пиргаз Конман называет Аккерман. На татарском языке “крепость” – это “кирман”. На греческом языке говорят “пиргаз”. На арабском языке говорят – “кале»» [22, р. 160].

Вероятно, Челеби зафиксировал следы некой давней местной традиции (возможно, в измененном виде), сохранившейся после перехода города к туркам. Есть основания считать, что в Белгороде XV в. греческий являлся одним из официальных языков городских властей. На нем были высечены тексты двух закладных памятных плит 1440 и 1452 гг. [9, с. 178, 187-188]. Он же использован при чеканке Белгородских монет [5, с. 14; 13, с. 288]. Правда, в этих надписях город назван Аспрокастрон.

Если в русском переводе после штурма крепости к султану вышли двенадцать попов, то в оригинале – десять. Если в русском – ключи вынесли от двух крепостей, то в турецком – от одной, но с двумя разными названиями:

«Мудрость Аллаха, утром по Аккерману стрельбой из пушек попали в купол укрепления, и оно было разрушено, 10 священников с 10 ключами от крепости Пиргаз Конман вышли и передали их султану в ларце своими руками. Крепость Пиргаз Конман была захвачена в году 889 (1484) и был праздник ее присоединения к остальным землям ислама» [22, р. 160].

В этих отрывках обращает на себя внимание имя некоего «короля» Салсала с прозвищем Конман, который среди местных слыл основа-

телем Аккермана, в его архаичном названии – Пиргаз Конман. Поэтому закономерно использование одинакового лакаба как в имени этого персонажа, так и в названии основанного им города.

Конман – созвучно слову куман. По археологическим данным город действительно появился не раньше конца XIII в. и имел ярко выраженный ордынский облик. Белгород принадлежал татарам до третьей четверти XIV в. Как минимум еще в 1330-х гг. правивший здесь «эпарх города», назван в тексте «Жития» Иоанна Нового «персом». Он поклонялся огню, Солнцу и утренней звезде, что указывает, по мнению Н.Д. Руссева, на монополию татар-язычников во властной вертикали Белгорода [14, с. 9-10].

Совершенно не исключено, что местная легенда, записанная Челеби, о некоем предводителе куманов – Салсале, основавшем Белгород (Пиргаз), имеет под собой реальную основу. При этом если имя Салсал могло стать продуктом людской фантазии, то прозвище Конман – подкреплено исторически. Но эта тема требует отдельного исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и центральной Европы. Т. 1. Москва, 1964. С. 131-161.
2. Де-Волян Ф.П. Описание земли Едисан // Наследие Ф.П. Деволана. Одесса, 2002. 250 с.
3. Гончарук Т.Г. Історія Хаджибея в документах. Одеса, 2000. С. 370.
4. Брун Ф.К. Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерва-ля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399-1450 гг. // 300ИД. Т.3. Одесса, 1853. С. 433-465.
5. Бырня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев: Штинца, 1984. 184 с.
6. Клееман Н. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию. Санкт-Петербург, 1783. 250 с.
7. Красножон А.В. Крепость Белгород (Аккерман) в исторических изображениях. Кишинев: Stratum plus, 2016. 475 с.
8. Красножон А.В. Крепость Белгород (Аккерман) на Днестре: история строительства. Кишинев: Stratum Plus, 2012. 414 с.
9. Красножон А.В. Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости // Stratum plus (Кишинев). 2013. № 6. С. 177-212.
10. Красножон А.В., Драгомирецкий А.А. Аккерманская крепость в контексте франко-османско-русских отношений в 1790-х гг. // Stratum Plus (Кишинев). 2015. № 6. С. 319-334.
11. Малюкевич А.Е. Открытие башни Неоптолема // Древнее Причерноморье (II чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского). Одесса, 1991.
12. Описание пути от Константинополя до Очакова. Санкт-Петербург, 1821.
13. Руссев Н.Д. Заметки о денежном обращении Молдавии и Буковины XIV-XVI вв. (в связи с исследованиями А.Д. Огуя) // Stratum plus (Кишинев). 2011. № 6. С. 287-292.
14. Руссев Н.Д. Житие Иоанна Нового и жизнь Григория Цамблака в связи с формированием российского идейно-политического пространства // Русин (Кишинев). 2007. № 2 (8). С. 9-19.

¹ Автор признателен доктору М. Тютюнджю за консультации и помощь в подготовке этой статьи.

15. Сапожников И.В. Османский замок Богаз-конман кале у гирла Днестра // Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри. Одеса, 2017. С. 298-303.
16. Середа О. Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса: Астропринт, 2015. 312 с.
17. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Вопросы русской литературы (Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина). 1971. С. 12-42.
18. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Ч. 1. Земли Молдавии и Украины. Москва, 1961.
19. Długosz J. Historiae Polonicae libri XII. Lipsae, 1711. L. I.
20. Dzeduszycki W. Călătorie pentru cercetarea navigatiei

- pe Nistru in anul 1785 // Călători poloni în Țările Române. București: Ed. Cultura națională, 1930. P. 241-243.
21. Lafitte-Clavé. Journal d'un voyage sur les côtes de la Mer Noire du 28 Avril au 18 Septembre 1784. Istanbul, 1998. 180 p.
22. Çelebi Evliyâ. Günümüz Türkçesiyle Evliyâ Çelebi Seyahatnamesi: Akkirman-Belgrad-Gelibolu-Manastır-Özü-Saraybosna-Slovenya-Tokat-Üsküp. 5. Kitap. 1 Cilt. Istanbul, 2010. 415 s.
23. Şlapac M. Cetățile bastionare din Moldova (sfârșitul secolului al XVII-ale – mijlocul secolului al XIX-lea). Chișinău, 2016. 372 p.
24. Warvin W. Expeditia de pe Dunare // Călători străini despre Țările Române. București, 1968. P. 81-122.

Krasnozhon Andriy

Ports of the North-Western Black Sea Coast in the XV-XVIII Centuries

Sea trading posts on the North-Western Black Sea coast of the XV-XVIII centuries. (until 1794) existed only in two places: in Kachubey (modern Odessa Bay) and near Bilhorod, close to the Tsargrad mouth of the Dniester Liman. Bilhorod sea wharf existed only in the first quarter of the XV century. Most likely that there was partly-sheltered anchorage for ships near it. In the Ottoman Period it was not mentioned. Some researchers call this wharf «Cetatea Alba medieval seaport» and associate it with the Ottoman fortress Bogaz-Konman, as well as the Turkish redoubt of the 1760's that was built in this river mouth. This version is criticized by the fact that Evliya Çelebi did not mention the fortress Bogaz-Konman. There is no such place name in his creative work.

The reason is in essential mistakes of the Soviet edition of his «Book of Travel», published in 1961. The latest complete scientific publication of the Seyāhat-nāme in Turkish makes it possible to see that Turkish Akkerman had another name, Greek – Pirgaz Konman. In these passages attracts attention the name of «king» Salsal with the family name Konman, who among locals was mentioned as the founder of Akkerman, in his archaic name – Pirgaz Konman. Therefore, it is naturally to use the same laqab both in the name of this character and in the name of the town founded by him. Konman – sounds similar to the word Cuman. According to archaeological data, the town appeared not until the end of the XIII century and had clearly marked Horde view. Bilhorod belonged to the Tatars until the third quarter of the XIV century. It is possible that the local legend, written by Çelebi, about someone named Salsal, the leader of the Cumans, who founded Bilhorod (Pirgaz), had a real basis. At the same time, if the name Salsal could become a product of human imagination, then the nickname Konman is backed up historically.

Keywords: Akkerman, Kiliya, Ochakiv, Pirgaz Konman, Bogaz-Konman, Evliya Çelebi, the Cumans, Bilhorod on the Dniester River